

П. С. Федоров

Аз и Ферт

Шутка-водевиль в одном действии

Русский водевиль.
М., "Искусство", 1970
OCR Бычков М. Н.

Действующие лица

Иван Андреевич Мордашов.
Марфа Семеновна, его жена.
Любушка, его дочь от первого брака.
Август Карлович Фиш.
Антон Николаевич Фадеев.
Акулина, кухарка Мордашова.

Действие происходит в С.-Петербурге, в квартире Мордашова.

Простая, но опрятно убранная комната; дверь в середине и две по бокам; направо, на первом плане, окно с занавесками.

Явление I

Марфа Семеновна, Любушка. Марфа Семеновна сидит налево; Любушка стоит подле нее.

Марфа Семеновна. Кто ж бы это был, Любушка? Я что-то забыла.

Любушка. Ах, маменька, как вы это не понимаете? Два месяца тому назад вы видели его у Олонкиных.

Марфа Семеновна (*припоминая*). Два месяца назад... Когда же это?

Любушка. Да на именинах у Сонюшки... Мы еще в этот вечер танцевали до пяти часов... Помните, еще был музыкант от Бертова моста?

Марфа Семеновна. Вспомнила, вспомнила!.. Только вот физиономию-то его не могу припомнить... Да какой он этак на вид, Любушка?..

Любушка. Этайкой, не то что высокий, не то среднего роста; так между блондином и брюнетом... Очень, очень недурен собой... Я удивляюсь, как вы не вспомните!.. Еще он танцевал со мной первый кадрили, потом пятый кадрили, потом танцевал седьмой кадрили, да два раза польку-трамбля... Да польку-мазурку... Да вальсировал раза три...

Марфа Семеновна. Так он тебе очень понравился?

Любушка. Ах, чрезвычайно, маменька!.. Да еще бы не понравиться... Он такой милый, такой умный. Право, маменька, редко найдешь нынче такого молодого человека.

Марфа Семеновна. Ну, и ты ему понравилась?

Любушка. Разумеется, понравилась... А то зачем бы ему было искать случаев беспрестанно со мною встречаться... Ведь недаром же он переехал против наших окошек.

Марфа Семеновна. Да, да... уж, конечно, не даром... И, должно быть, он человек аккуратный, не бедный... Из окна видно, что у него так все хорошо убрано.

Любушка. Как же, маменька! Пунцовые полумериновые занавесы повешены.

Марфа Семеновна. А зачем же это, Любушка, у него портреты выставлены на окне?

Любушка. Ах, маменька, ведь я говорила вам, что он живописец... Он рисует какие угодно портреты... Да, сверх того, еще учит рисовать во многих пансионах.

Марфа Семеновна. Так он и учитель?

Любушка. Как же, маменька, учитель! И превосходный учитель... Представьте себе: третьего дня, как я была у Сонечки Олонкиной, он тоже является туда. Мы проговорили целый вечер... И вдруг он мне говорит: знаете ли, говорит, Любовь Ивановна, ведь я нарисовал на память ваш портрет... Я и пристала к нему: покажите, покажите. Нет, говорит, он еще не совсем отделан, да я иначе и не покажу его вам, как в вашем доме! Я и сказала ему: ну, познакомьтесь с папенькой... Он и дал слово, как только кончит портрет, так тотчас же явится к папеньке.

Марфа Семеновна. Ах, Любушка, а что скажет Иван Андреевич! Ведь отец твой такой взбалмошный, что и отродясь не видывала... Как заберет что в голову, так обухом не вышибешь... Иной час все у него хорошо, а иной, как невпопад, так просто беда.

Любушка. Ну уж он сказал, что будет, то будет!.. Да и помилуйте, маменька, как не принять в дом такого человека... Я чувствую, что только с ним могу быть счастлива... Уж такой жених не чета Алексею Петровичу Фурсикову, за которого совсем было выдал меня папенька.

Марфа Семеновна. Ну да и слава богу, что эта свадьба расстроилась... Алексей Петрович мне нисколько не нравился... Ведь это только твоему отцу могла прийти в голову такая блажь... Выдать тебя за пятидесятилетнего урода. С ума сошел!.. Видишь ли, говорит, богат!

Любушка. Мне не нужно богатства: мне нужно сердце, пламенная душа!

Вы сами по себе судите:

Если вы вступили в брак,

верно, по любви. Скажите?